
ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ

О ХРИСТЕ

Б.Г. Якеменко

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Почему именно Христос? Что Он, живший 2000 лет тому назад, ездивший на осле и зажигающий вечером масляных светильник, может сказать нам, живущим сегодня, едущим на машине и пользующимся сотовым телефоном?

Подумаем...

Мы живем на переломе эпох. Старый мир, мир огромных империй, мощных монолитных идеологий, уходит в прошлое. Кризис проникает во все сферы жизни – в духовную, семейную, бытовую, экономическую, политическую. Все это очень роднит нас с тем временем, в котором родился и жил Христос, понимание того времени приводит к пониманию и нынешней эпохи, той, в которой живем мы. Античность, духовно исчерпав себя, закономерно пришла к скептицизму, к упадку духа, за которым неизбежно следует и упадок цивилизации в целом. И парадоксальность возникновения христианства на изломе эпох состоит именно в том, что оно не могло быть порождено рушащимся античным миром, переживавшим глубокий духовно-нравственный кризис. «Культура совести», совести не могла сама воздвигнуться из культуры, имевшей о совести весьма отвлеченные представления. Для людей античности совесть в лучшем случае есть «знание о добре», то есть она рассматривается в конкретных, рационалистических, измеряемых категориях. Поэтому образ Христа не мог возникнуть как компиляция различных античных и предшествующих им образов, а Его учение сложилось в результате переработки предыдущих представлений о божестве.

Голос совести нельзя было воспитать в себе – его можно было только услышать. Христос мог только придти извне. Придти и своим Пришествием поставить под вопрос смысл существования великих цивилизаций древности.

ти. Неслучайно античное сознание пытается приспособить Христа к своему упрощенному пониманию несколько столетий. Это видно по эпохе Вселенских соборов, по тому, как долго, сложно, порой драматически утверждается немислимый для человека античности, неместимый для античного разума догмат о Богочеловечестве. «Больше человек, нежели Бог... Больше Бог, нежели человек... Богочеловек, но воля только Бога... Богочеловек, но неизобразим...».

Вернемся к той катастрофе, которую тогда переживал мир. Мы не были ее свидетелями, не ходили по улицам античных городов, не спорили в харчевнях о личности странного бродячего Проповедника, окруженного горсткой последователей, а в последние мгновения жизни брошенного и ими. Который, вместо того, чтобы свергать власть оккупантов и поднимать на узурпаторов народ, толковал об Истине, о том, что блаженнее давать, недели принимать, о том, что надо прощать и любить, и это было так необычно и странно, что его не понимали даже те, кто шел за ним. «Те, кто рядом со Мною, Меня не поняли», – горько посетовал однажды Он.

Но Он не только говорил – он все делал не так. Называл себя Царем, говорил, что может разрушить Иерусалимский храм и в три дня воздвигнуть его, исцелял и воскрешал, а не имел где главу преклонить, водился с отбросами общества, не имел за душой ни копейки. Все ждали посланника небес с шумом, громом, в сиянии, потрясающего небо и землю – примерно как сегодня считают, что настоящий талант – это тот, который пляшет в перьях по каналам, красиво живет у всех на виду, ведет шумный образ жизни, продается на всех углах. И никто не догадывался, что Господь уже ходит в базарной толпе, ест и пьет в придорожных харчевнях, ночует у друзей... Мы не знаем, как все было тогда, но знаем, что раз тогда появился Христос, то мир был на грани гибели. Потому что бывали эпохи неудач и катастроф, и тогда Бог посылал в народ пророков, праведников, которые наводили порядок, увещевали и обличали. Но еще никогда всеобщий упадок не был настолько ужасен, чтобы обычные человеческие силы пророков с ним не справились. Чтобы спасти мир, человечество, Богу пришлось самому вочеловечиться и идти по горячим и пыльным дорогам Палестины, учить, воскрешать, исцелять, быть гонимым и презираемым, испытать жуткое одиночество последних часов жизни, пройти к смерти сквозь страшные страдания. И, принеся себя в жертву за всех, избавить человека от ужаса непреодолимой смерти и открыть ему врата Царства.

Христос показал – настоящую ценность имеет лишь то, что имеет в себе частицу вечности. Так, например, текст становится священным и неприкосновенным лишь тогда, когда к нему появляется первый комментарий. Это значит, что текст больше нельзя менять – отныне можно лишь объяснять. Вечность точно так же окружена временем, ее ценность создается и понимается лишь теми, кто находится в потоке времени. Эмоции временны, любовь вечна. Тело временно – душа вечна. Поэтому настоящее дело делается не

для соседа, не для родителей, не для начальства, которое сегодня есть, а завтра нет, а только для вечного Бога и Им проверяется. Настоящая любовь – для Него же. Нужность, правильность, истинность любых вещей легко испытывается предварительным обращением к Богу. Хочется курить, передать сплетню, перемыть кости... Нужно просто сначала помолиться Богу, попросить его дать возможность сделать все это, а потом посмотреть – получится ли? Захочется ли? Так вечное поправляет временное, входит в него, осмысляет его.

Христос вернул людям человеческое достоинство, вернул им себя. До Него считалось, что человек – винтик в машине вечного круговращения природы, птица или животное без перьев и шерсти, рычаг, на который нажимают боги, чтобы их мир продолжал существовать, зернышко, ссыпаящееся в неустанно работающий жернов смерти. После Него тоже нередко считалось, что человек – это зыбкий пузырь, вскочивший на воде природных стихий и так же лопающийся, говорящая обезьяна, мозг, перерабатывающий информацию. То есть человек приравнивался к функции, имеющей определенную прикладную задачу. Но если так, то ни о человеческом достоинстве, ни о совести, ни о правах и свободах человека не может идти и речи, ибо ни рычаг, ни пузырь, ни зернышко, ни обезьяна не могут ничего этого иметь по определению. Это может иметь лишь настоящий, не подверженный смерти, не расплывшийся во времени и временном человек.

Человека человеку дает Христос, красоту человеку дает образ Божий, лик, который просвечивает сквозь обычное лицо. Христос следит за тем, чтобы его образ в человеке не замутнился, не искажался, не заслонялся временным, сиюминутным, случайным. Чтобы человек не делся никуда от себя самого, чтобы ему было хорошо с собой самим. Именно поэтому проповедь Христа была обращена не к «толпе», не к «народу», а к отдельному человеку. Можно обратить внимание на то, что Ветхий Завет обычно говорит об отношении между Богом и народом, Новый Завет – об отношении между Богом и душой конкретного человека. Поэтому Христос не ждал, когда о Нем услышат и к Нему придут, как делали ветхозаветные пророки и даже пророк Нового Завета Иоанн Креститель. Он сам шел к людям, проповедовал на горе, в городах и селениях, у моря, в молитвенных домах и этого же требовал от других: «Пойди по дорогам и изгородям и убеди придти, чтобы наполнился дом мой».

Христос впервые провозгласил Любовь важнейшим свойством Бога. И до Него и после Него Бог был «непостижим», «всемогущ», «велик», «всемиловит», «милосерден», «справедлив». То есть он был хозяином, начальником, повелителем, грозной, сверхъестественной силой, могучей волей. Поэтому отношения с ним строились (и строятся) по принципу зависимости человека от Бога, в координате «хозяин–раб», «величие–ничтожество», «сила–слабость», «воля–подчинение». Связующей формой этих взаимоотношений был договор, предусматривающий взаимное уважение и доверие сторон,

но не любовь, ибо любовь не терпит никаких формальностей, там, где начинается договор, кончается любовь. В договорной системе взаимоотношений между Богом и человеком всегда понятно, что будет, все предопределено. Но, главное, договор, закон не требует близости, не требует принадлежать Богу всем своим сердцем, ибо, чтобы сохранить отношения, достаточно честно соблюдать внешние условия союза. То есть человек предстает перед Богом не всем Ему обязанным, слабым, одиноким, тянущимся к протянутой руке спасения, жаждущим слова утешения, а лицом в значительной степени независимым, ибо все, что он получает от Бога, он получает не по милости, не по любви Божией, а как должную оплату труда. В такой системе взаимоотношений не может быть никаких неожиданностей.

Напротив, во взаимоотношениях, построенных на любви и благодати, всегда есть контрапункт между действием и реакцией, возможность для чуда, то есть если я не заслуживаю никакой милости, то это не значит, что она не может быть мне оказана. По точному выражению киевского митрополита Иллариона (XI в.), закон оправдывает, но не спасает, благодать (любовь Бога) не оправдывает, а спасает. И когда закон уступает место благодати, любви, «рождается сын, а не раб», бог из хозяина становится Отцом, то есть делается намного ближе.

Неслучайно из всех имен, которыми Бог именуется в Библии, Христос выбрал слово «Отец» (Авва). Так по-арамейски обращались дети к своим отцам. Отец не может быть хозяином, начальником своему сыну, а сын не может заключать с отцом договор. Они могут только любить друг друга. Христос кладет в основу своих взаимоотношений с миром любовь, и если принять это как данность, то все «идеалистические» и «неземные» Его слова из Нагорной проповеди сразу становятся ясны и понятны. Потому что когда любишь и щеку подставишь, и отдашь верхнюю одежду, и пойдешь два поприща и простишь до семидесяти семи раз. Любовь живет вопреки земным законам, ежедневно и ежечасно она их попирает и тогда над человеком не властны никакие земные силы. Любовью не только Бог, но и человек начинает творить чудеса. Все мы слышали о том, как павшая на смертный одр влюбленная женщина воздвигает к жизни умирающего, как сквозь пламя выносит она своего погибающего мужа, как растапливается и исчезает самая лютая злоба, испепеляемая огнем любви.

Любовь – это тот самый контрапункт и тайна человека, о которых уже говорилось выше. И если Бог есть любовь и Бог непостижим, то значит, что и любовь непостижима. Ни сердцем, ни тем более разумом. И тем более невыразима. Если мы не можем выразить словами красоту вечернего заката, взволнованного моря, монументальных гор, тот как можно выразить словами истинную всепобеждающую небесную любовь?

Принято считать, что религия – это система сплошных запретов, которая запрещает все, что человеку нравится, и заставляет делать только то, что не хочется. Но ведь это не так. Главное у Христа – любовь, которая, по сло-

вам Паскаля, является «единственным выражением библейской веры», да и не только библейской, но и веры вообще. А ограничения, устанавливаемые религией, существуют только для того, чтобы ничто не мешало любви, не омрачало и не подменяло ее.

Любовь, о которой говорил Христос, внелогична и парадоксальна, это те самые пересекающиеся параллельные прямые у Лобачевского, непостижимые логикой, но доказуемые только опытом. Любовь – это признание безграничной ценности любого человека. Безграничной, то есть не ограниченной ни верой, ни способностями, ни поступками, ни образом жизни, ни отношением к нам. «Возлюбите врагов своих, благословляйте проклинающих вас», «прощайте», «отдавайте», «не требуйте» – как это не похоже на то, что было при Христе «будем есть пить и веселиться, ибо завтра умрем», на сегодняшнее «люби себя, чихай на всех и в жизни ждет тебя успех».

Скупому на чувства всегда не хватает чужих чувств, щедрый на любовь может накормить пятью хлебами и двумя рыбами своего сердца тысячи людей, и у него еще останется «десять коробов полных».

Смысл любви человека – в постоянной раздаче себя. Если не черпать колодец, в нем зацветет вода и заведутся лягушки. В блокаду выживали именно те, кто отдавал умирающим части своих пайков, а умирали другие – те, кто таскал у умирающих и под койкой втихаря жрал и свое и чужое. Причина этой неисчерпаемости лежит во Христе – вечном, вневременном и изобильном источнике Любви. Если же человек любит тех, кто любит его, благоденствует тем, кто помогает ему, то источник его любви и милости не во Христе, а в другом человеке. То есть этот источник не вечен. Постепенно начнет иссыхать вода, пойдет песок, наконец, останется еле заметная мутная струйка, бегущая по влажной грязи. Именно поэтому люди, не укоровившие свою Любовь во Христе, рано или поздно охлаждаются, раздражаются, ссорятся и, наконец, расстаются.

Любовь Христа поправляет ветхозаветный закон, очищает его, возвращает смысл, дает критерий, по которому всегда можно проверить справедливость и человечность закона. Закон борется с последствиями преступлений, Христос своей Любовью истребляет сам корень преступления, вырывает его из души и сердца, делает преступление невозможным. Закон воспрещал убийство, а Христос призывал бороться с ненавистью, с которой все и начинается. Закон осуждал нарушение верности жене или мужу, а Христос призывал не допускать в душу любые соблазнительные мысли и чувства. Закон требовал клятвы, Христос ее отменял, считая, что если человек искренне сказал «да–да», «нет–нет», то этого достаточно, а что сверх того, то от лукавого. Любовь Христа, истинная Любовь – это точное знание, когда именно ты можешь нарушить закон во имя нее, во имя Любви. И только она дает право на это нарушение.

Во времена Христа наказание часто было страшнее проступка, жестокость побеждала жестокость, а сила – силу. «Око за око – зуб за зуб». Хри-

стос предложил укрощать зло добром, действовать вне привычной логики, что неизбежно приводит к победе. Один ждет от другого нападения, злобы, коварства, вооружается, защищается, готовит аргументы, раздувает и разогревает в себе мстительные чувства, а другой внезапно приходит к нему с голыми руками, без оружия, и, широко улыбаясь, обнимает его. Разве можно в этот момент его ударить, оттолкнуть, оскорбить?

Христос не навязывает Себя, не подчиняет Себе, не душит в объятиях, не грозит и не стремится подольститься, ибо настоящая Любовь оберегает и ценит человеческую свободу, которую Христос дает вместе с любовью и не позволяет отнять никому. Свобода – важнейший дар Христа миру, фундаментальное основание личности человека. «Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными». «К свободе призваны вы, – восклицал апостол Павел. – Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос».

Призыв Христа к свободе был настолько силен, что родилось понятие «благовестия свободы». Эта свобода, стоит напомнить, заключается не в многовариантности поведения, как принято сейчас считать, а в выборе лучшего из возможного, выборе между добром и злом, жизнью и смертью, благословением и проклятием.

Даровав свободу, Христос возвел на невиданную до Него высоту ценность человеческой личности. Это свобода от вещей, от ерунды, от всего несущественного, когда в жизни человека остается лишь то, что ему действительно нужно.

Можно обратить внимание на то, что на иконе «Троица» святого преподобного Андрея Рублева вообще нет несущественного – там только то, что нужно для понимания тайны явления Троицы Аврааму. Так в ярком свете Истины исчезают мелкие детали, истинная свобода отсекает все лишнее. А на таких же иконах XVII в. огромное количество мелочей – ножички, вилочки на столе у Авраама, посуда покрыта узором, отмечен фасон одежды. Чудо явления Троицы исчезает, тонет в мелочах, а остается обычный обед со странниками у богатого предводителя племен. Где нет видения Бога, чувства Любви, там нет и свободы. Где нет свободы, там нет и Христа.

Однако Христос подчеркивает, что для достижения истинной Любви, как и для достижения всякой возвышенной цели, нужна полная самоотдача, напряжение всех сил, соединение своей воли с волей Бога. «Царство Божие, – говорит Он, – усилием берется и достигнут его только употребившие усилие». Для ее достижения нужна вера и в Бога и в собственные силы и в правильность цели, вера, лишённая сомнений, поскольку «возложивший руку на плуг и оглядывающийся назад недостоин Царства Божия».

Основанное на законе любви стремление к любой цели закономерно приводит человека к мысли, что, если не отдать многого – сил и времени, не принести в жертву душевное спокойствие, праздность, лень, то, что хочется делать без усилия – то достичь желаемого будет невозможно. Для того, чтобы горел огонь и было тепло, приходится колоть, носить и жечь дрова.

И чем выше жертва и самоотдача, тем значительнее достигаемая цель. А если цель – жизнь с Христом, Его совершенная Любовь, Царство Бога, то усилия человека должны быть соразмерны всей его жизни, всем его силам и возможностям. Значит, каждую минуту он должен жить для Христа, каждое дело делать для Христа, каждое слово говорить самому Христу.

Вместе с этим Христос показывает, что жертвой, отказом от чего-то своего, личного, человек не просто достигает своей цели, но приходит к гораздо большему – наводит порядок, исправляет и совершенствует мир в целом, стремящийся к энтропии и несправедливости. Христос показывает, что именно в логике абсурда с точки зрения современного человека и римлянина времен Христа можно исправить мир и достичь любой цели.

Есть японская притча о «Трех, потерявших по одному ре», иллюстрирующая именно такой подход к жизни. Один гончар нашел на дороге кошелек с тремя ре (золотая монета). На кошельке был указан владелец – плотник. Гончар принес кошелек хозяину, но тот отказался забрать его, сказав, что раз кошелек решил покинуть хозяина, то он не возьмет назад эти деньги. Поскольку гончар настаивал, пришлось пойти к судье. Выслушав их, судья добавил к трем ре еще одну собственную монету и разделил деньги пополам, отдав и плотнику и гончару по два ре, сказав: «Гончар мог забрать себе три ре, и теперь получит два, потеряв один ре. Плотник мог вернуть себе все деньги, но отказался и тоже потеряет теперь один ре. Также и я потеряю один ре. Мы все потеряли поровну». Трудно сказать, что было бы с нами, в какой, по словам Бодлера, «оазис ужаса в песчаности тоски» превратился бы современный мир, если бы каждый день сегодня кто-то не оплачивал во имя Христа своими деньгами, временем, силами, возможностями общие неудачи и катастрофы.

Почему Христос не такой, как Будда, Иеремия, Мухаммед, Кришна? Почему то, чему он учил, то, к чему призывал, так испугало и насторожило всех, кто его окружал? Почему этот простой, никому не опасный, доступный всем Человек, окруженный горсткой последователей, был схвачен, истерзан, оболган, распят, а его последователи столетиями представлялись в виде преступников, сумасшедших, врагов государства и общества? Почему все-таки в итоге Его слова, Его учение, Его образ жизни распространились на все континенты, поселились в сердцах миллиардов людей, стали опорой философской мысли, источником высочайшего вдохновения, породившего уникальные произведения искусства? Почему они собрали вокруг себя людей, максимально противоположных друг другу – от рыбаков Палестины и римских солдат до русских князей и императоров Европы, от Данте и Микеланджело до Достоевского и Чайковского?

Прежде всего потому, что Христос, в отличие от Будды или Мухаммеда, не передавал Истину, полученную когда-то и от кого-то, а сам был Истиной, Вечностью, сошедшей на землю и, как Богочеловек, упразднившей временной разрыв между Богом и человеком. «Я есть Путь и Истина и Жизнь», –

говорил Он и сравнивал себя с дверью, в которую если кто войдет, то обязательно спасется.

Любому пророку, вестнику, очевидцу нужно суметь поверить, между ним и слушателем встает множество вопросов – а правильно ли он передает учение, а нет ли у него корысти, а достоин ли он сам возвещать нам это учение? В случае со Христом этих вопросов не было и быть не могло – Он был Богом, Господом, Истиной, надо было верить Ему, познавать Его, придя к Нему, уже не надо было идти дальше. Он уже здесь, а значит, не нужно ждать, терпеть, искать в ком-то опоры. Он уже здесь. Пророки и мудрецы умирали, Христос живет вечно, «всегда и вовеки тот же». И поэтому, как говорил один современный богослов: «Я знаю, что в жизни, в которой все кажется таким трудным, единственное, что никогда не изменяет, никогда не оставляет – это внутреннее сознание, что Христос со мной: “Не оставлю вас сиротами, придя к вам” (Иоан. 14:18). И приходит».

Кроме того, с любым пророком можно было спорить об Истине, но с самой Истиной спорить о ней было бы безумием, заставить ее отречься от себя есть апофеоз абсурда. А если он Истина, то он прав абсолютно. А если Он прав, а они не с Ним, а против Него, значит они неправы во всем. Значит, Он есть величайшая угроза им и всему их миру в целом. Именно поэтому Христа распяли, убрали со своих глаз, не понимая, что тем самым стали орудием Его предназначения.

И, наконец, именно потому, что Христос сам был Истиной и Жизнью, а не просто свидетелем, он мог победить величайшее зло в жизни каждого человека в отдельности и всего человечества вместе, зло, неотступно преследующее нас всю мировую историю, омрачающее любую радость и колеблющее любые, самые прочные устои. Это зло – смерть. Остановка жизни, невозможность двигаться вперед, место, куда деваются тысячелетиями люди, а оно все не наполняется.

Еще и поэтому за Христом сегодня и всегда шли миллиарды людей. Тысячелетиями люди искали Бога, человека, силу, которая избавит их от вечно-го страха перед смертью, от безысходности, обесмысливающей любые, самые высокие порывы, самые искренние чувства, разрушающее самые дерзкие планы. Избавит их от страшного вируса смерти, который, рождаясь, они приносят в мир и тем самым непрерывно порождают смерть, которая борется с жизнью несколько десятков лет, а потом все равно побеждает. Люди чувствовали сердцем, что только тот, кто разрешит полностью и окончательно этот самый насущный вопрос, будет Всемогущим Богом.

Все нехристианские религии мучились этим вопросом, но, решая, они или обходили его стороной или перескакивали через него или вовсе отрицали его, как брахманизм и буддизм. И только Христос раз и навсегда решил эту проблему, избавив человечество от страха смерти и от отчаяния перед нею своим Воскресением, открывшим путь всему человечеству к вечной жизни с Ним.

Воскресение Христа – самая великая Его тайна, частица которой живет в каждом человеке. Спросите любого – может ли он представить мир через 100 лет, когда «все будет, а меня не будет»? В это невозможно поверить. Именно Воскресение Христа задало масштаб всей Его земной жизни, а сегодня перспектива нашего воскресения задает масштаб нашему бытию. «Если Христос не воскрес, то тщетна и вера ваша», – говорит апостол. Не воскресший после смерти Христос сразу превращается в обычного бродячего проповедника, которых в те годы по дорогам Палестины ходили десятки, в толстовского «доброего праведника», учившего хорошему, по традиции за доброту свою сложившего голову и оттого достойного теплой жалости, но не более. Своим Воскресением Христос превратил смерть, которой все заканчивалось, в новое Рождение, которым все начинается – не случайно на могилах первохристианских мучеников стояла только дата смерти с надписью «родился о Господе». Он превратил жизнь в материнскую утробу, в которой хорошо и спокойно и очень не хочется выходить наружу, но выйти надо. Для долгожданной встречи со Христом и для бесконечной и радостной жизни с ним и теми, кто верил в Него.

Именно эта вера апостолов, видевших воскресение Христа своими глазами, позволила им стремительно распространить учение Христа на огромные территории. Разве они могли выдумать это Воскресение, а потом гибнуть страшной смертью за собственную ложь? «Какая ревность, – спрашивает святитель Иоанн Златоуст, – побуждала Апостолов проповедовать мертвеца? Какой награды они ожидали от мертвеца? Какой почести? Ведь они от Него и от живого разбежались, когда Он был схвачен, а после смерти разве бы они могли быть столь смелыми ради Него, если бы Он не воскрес? Как это понимать? То, что они не желали и не могли выдумать воскресения, которого не было, видно из следующего. Много раз Спаситель говорил им о воскресении, даже и непрестанно повторял, как сказали и сами враги, что Он восстанет через три дня. Поэтому, если бы Он не воскрес, они, как обманутые и гонимые всем народом, изгоняемые из домов и городов, очевидно, должны были бы отречься от Него; и они, как обманутые Им и из-за Него подвергшиеся страшным несчастьям, но пожелали бы распространять о Нем такую молву. А что они не могли выдумать воскресение, если бы его действительно не было, об этом нет нужды и говорить. Действительно, на что бы они могли при этом надеяться? На силу своего слова? Но они были людьми совершенно неучеными. На богатство ли? Но они не имели ни жезла, ни обуви. На знатность своего происхождения? Но они были бедняками, рожденными от бедняков. На известность своей родины? Но они происходили из заурядных сел. На свою ли многочисленность? Но их было всего одиннадцать, и то – рассеянных. На обещания Учителя? Но на какие? Если Он не воскрес, тогда и остальные обещания Его не были бы для них достойными веры. И как бы они могли укротить народное неистовство? Если старейший из них не выдержал вопроса женщины-служанки, а все остальные, увидев

Его связанным, разбежались, как бы тогда они решили отправиться во все концы земли, чтобы насадить там вымышленную проповедь о воскресении? Если один из них не устоял перед угрозой женщины, а другие и перед самым видом уз, как они тогда могли бы устоять перед царями, властителями и народами, среди мечей, огня, печей, бесчисленных видов всякой смерти, если бы не были укреплены силой и помощью Воскресшего? Были сотворены многочисленные великие чудеса, и иудеи не устыдились ни одного из них, но распяли Того, Кто их сотворил; а простым словам учеников о воскресении разве могли бы они поверить? Нет, нет! Все это сделала сила Воскресшего».

Христос победил смерть своим Воскресением – и мир изменился. Появилась возможность настоящего прогресса, который состоит в стремлении к совершенству Христа, а все технические прогрессы лишь повторяют это. С победой над смертью оказался побежден и грех, который прекращается в момент расставания души с телом, а не умножается бесконечно в этом мире и грех именно умирает навсегда, а человек продолжает жить.

С победой Христа над смертью жизнь человека обрела смысл, цель, жизненную задачу. С победой Христа над смертью окончательное завершение получила человеческая свобода, ибо человек, измученный страхом смерти, постоянно возвращающийся к ней мыслью, отчаявшийся от безысходности не может быть свободным, трясущаяся и обмирающая от ужаса безысходного конца плоть не может полноценно ни творить, ни любить, ни трудиться.

Соединяя свою временную жизнь с вечной жизнью во Христе, человек устремляется в бесконечность, смерть становится для него переходом, оборачивается новой встречей, задает масштаб всей его жизни. Смерть становится выходом из одной жизни в Жизнь другую. Ибо Христос – это не философия жизни, это не учение о том, как жить правильно. Это сама Жизнь.

И если Христос сумел ответить на самый главный вопрос человека, разрешить самую большую проблему, излечить неизлечимое, то он сможет ответить и на все другие вопросы. Каждый из нас живет только своей жизнью, имеет свой личный опыт побед и поражений. Христос – это Жизнь всех, это опыт миллионов людей, живших до него, опыт, который выстрадал Его, умолил его у Бога Отца. И это опыт миллиардов людей, живших и живущих после, поскольку Христос всегда и вовеки тот же. Это неожиданный, до которого не додуматься самому, ответ на любой насущный вопрос, это выход в тот момент, когда нет надежды и есть только вход. Христос не философия самопознания, а открытие себя самого для себя. Открытие в себе бессмертия, невозможных возможностей, неведомых ранее черт характера, способности любить по настоящему.

А теперь вернемся к самому началу, ко временам, когда пришел Христос и застал на земле распад, катастрофы, радостные крики «живем один раз», неверие ни во что. Можно вспомнить, как Пилат спросил Христа «что

есть истина» и даже не стал ждать ответа – для него, человека своего времени, было понятно, что истины не и найти ее нельзя, а люди, которые утверждают обратное, помешанные, фантазеры или ловкие шарлатаны. Сегодня мы переживаем похожее время. Похожее не только катастрофами и распадом привычного образа жизни, всеобщим скептицизмом и неверием. Похожее, прежде всего, отношением к совести, как к тому самому «знанию о добре», знанию, владение которым полностью зависит от нас, которое мы подчиняем и которым мы управляем. Похожее упразднением, обесцениванием, распадом личности человека, обязательным умножением ее на бездушную силу гаджетов, как некогда ее умножали на силу статуй богов. Поэтому сегодня Христос становится вновь очень актуален, его учение о человеке возвращает нас к нам самим, к пониманию того, что есть мы, я, он.

Попробуйте задать человеку вопрос, для чего он женится, рождает детей, работает, живет. Он даст нам стереотипный, как правило, чужой, где-то услышанный ответ. Задайте еще один вопрос к полученному ответу, а затем еще один – и вы убедитесь, что на четвертом или пятом вопросе человек кончается, глубина исчерпывается, вы стоите на мелководье, где сквозь небольшую толщу воды видны все камни на дне. Ни загадок, ни тайн.

А там, где заканчивается просто человек, неизбежно начинается Бого-человек – Христос. Он дает ту самую чаемую глубину, позволяет пойти все дальше и дальше, в вечность и бесконечность, которые неисчерпаемы и непостижимы. Он делает человека безграничным и бескрайним, непостижимым, дает ему ту самую тайну, которая всегда так привлекательна в человеке, которая и делает человека «душою живою».

ABOUT CHRIST

B.G. Yakemenko

Department of Russian History
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10/2, Moscow, Russia, 117198